

Александр БИРШТЕЙН В гостях у Лешего

...Одет леший как обычный человек. Часто он предстаёт в форме лесника или солдата. Обычно же на нём сибирка, армяк, серый шерстяной домотканый кафтан, кожаная или меховая одежда...

(Из Википедии.)

Лестно в гости к Лешему ходить? Еще как лестно. Интересно? Опять же — еще как! Недоразвитые скажут:

— Так он же умер!

Шиш вам! Есть он, никуда не делся. Присутствует... Да и Марья на месте. Марья — это она так себя называет. Даже книгу написала "Абрам да Марья". Абрам — это он, Леший, а еще Абрам Терц, таким именем он книги свои подписывал. Кстати, а почему именно Абрам Терц?

Марья Васильевна уверяет, что имя-то из одесской блатной песни "Абрашка Терц, карманщик всем известный". Синявские блатные песни любили и собирали. По этому поводу к ним любимый ученик Синявского Владимир Высоцкий часто наведывался. Пел блатняк, не хрипел. А потом уже свои песни писать стал. Это Марья Васильевна рассказывает. Или точнее — Марья Васильевна Синявская-Розанова. Хотел сказать, что она замечательная. Но убил бы. Ненавидит сюсюканье. Железная. Нет, стальная. Не согнешь. И таланта невиданного. Ясное дело — витебская! Да и не в этом даже дело. Просто Марья Васильевна талантлива во всем. Рассказывает:

— Свой первый гонорар я получила в эвакуации. Мама на заводе с утра до ночи. Решила ей кофточку сшить. Лет двенадцать мне было. Большая уже. Собрала лоскуты, сама скроила и сшила. Мама увидела и обомлела. Назавтра первым делом кофточку надела и на работу с ней. А там подруги обступили. Тоже такую красоту хотят. Сшила маминую подруге. А та заплакала! Несколько буханок хлеба на те деньги купить можно было!

Это потом уже ювелирка была — и дизайн, и изготовление. В Москве, стало быть.

— В самые тяжелые времена ювелирка эта спасала. Пока Синявский сидел, я стала знаменитым ювелиром. В те времена зарплата научного работника была 120 рублей, кольцо же моей работы стоило минимум 150. Дома шутила: "Я — Мастер, а Синявский — моя Маргарита".

Потому что заказчик много было. Очередь! И попробуй нарушь!

Впрочем, исключения делались.

— Павлу Антокольскому перстень для любимого человека сделала! Для кого? А не скажу! А перстень знатный получился...

Вообще в доме много ее поделок. Украшения замечательные. А мне больше всего собака глянулась. Это когда к Марье Васильевне в мастерскую зашли. Но об этом чуть позже, ладно?

Мне ведь о хозяйке дома рассказывать и рассказывать.

Надо сказать, что я сперва ее побаивался. А как же! Лет пять назад, помнится, должна была она в гости к нам приехать. В Медон. "К нам", — я говорю. На самом деле — к Ваське и Ленке, у которых я гостил. Васька — это поэт и переводчик Василий Павлович Бетак. Но он все равно — Васька. А его жена, математик и писатель Елена Кассель, — Ленка. И никак иначе. Васьки нет уже с нами. Спрятался, скрылся 23 марта этого года... Но он все равно есть.

И Леший есть. Они такие!

Так вот, вернусь. Перед приездом Марьи, как они ее называли, Васька с Ленкой пугать меня стали.

— Ты на Марью, чуть что, не обижайся. Ну, скажет что-то резкое. Такой человек. Не ты первый, не ты последний... И вообще: сейчас она вроде помягче стала...

Но обошлось. То ли она меня приняла, то ли просто осторожен был, но всего один раз на минное поле чуть не ступил. Это когда за разговором помянул, что Сашу Даниэля знаю.

Оказалось, зря. Саша где-то сказал про "...процесс Даниэля — Синявского". Что в глазах Марьи Васильевны, видимо, было кошунством.

— Как процесс назывался? — а голос уже с металлом.

Но и я не лаком съят.

— Процесс Синявского — Даниэля! — отрапортовал.

И все окончилось замечательно.

На прощанье Марья Васильевна пригласила меня в гости!

С тех пор в каждый свой приезд, а их семь уже было, хоть на вечер едем к ней.

В этот раз — впервые без Васьки...

От Медона, где живу, приезжая во Францию, до Фонтене-о-Роз близко. Минут пятнадцать ехать. Открываем калитку, сад, прудик метра полтора в диаметре... Лилии... Но

это видано-перевидано. Мне в другой сад хочется. В тот, о котором Ленка тысячу раз рассказывала. Было время, когда они с Васькой и Марья с Лешим виделись чуть не ежедневно. В "том" саду я прежде не был. А хочется! Это там, когда-то все расчистили, поставили длинный дубовый стол и чай — и не только чай! — гоняли за разговорами.

У них ведь разные периоды бывали... И дружбы, и, не скрывать это, недружбы, что ли. Эмиграция — вещь подлая: по разным лагерям развести может...

Сначала Васька с Синявскими познакомился. В одном поезде к Глебу Струве ехали. Подружились... Но Васька на "Свободе" работал. С Максимовым... А Синявские с ним вскорости горшки побили. Тем более, Хмельницкие об Андрее Донатовиче лгать гадости стали. А Максимов поверил... Надо сказать, когда Максимов узнал, что Хмельницкие провокаторы, извинился горячо и публично.

И правильно, и честно! Ибо Хмельницким только в "воронельей слободке" (термин мой!) и место.

А уже при Ленке Васька и Синявские опять подружились. Марья жесткая, конечно, а зла долго не держит. Встретила Ваську:

— Что не заходите?

Но об этом Ленка сама напишет. И напишет, конечно же, лучше меня. Не стану я ее перебивать.

В общем, стали они опять дружить. И в том саду собираться...

— Марья Васильевна, можно в тот сад? — спрашиваю.

— Можно... Только черешню не рвать. Она для Егора!

Егор — сын Марьи Васильевны и Андрея Донатовича. Кстати, известный французский писатель Егор Гран.

А сад зарос, зарос... И прекрасен! Да-да, прекрасен именно этой своей дикостью, неухоженностью, естественностью. Да, тут можно было сидеть и общаться. Душевно это, уверен, получалось. Кого только не видел этот сад!

Вот, например, Виктор Платонович Некрасов, Вика, как его тут зовут. Едва приехав во Францию, он тяжело очень заболел. Ну, просто помирать стал. И ничего не помогало. Тогда Леший сел ему некролог писать. Да такими словами! В общем, усоветилось небо, что такого великого человека к себе перетаскивает, отпустило Некрасова. Когда тот совсем окрепался, показал Синявский ему некролог этот. Так Платонич еще и огорчился, что нельзя такой лестный текст никому показывать. Некрасов умер через двенадцать лет... Тогда и опубликовали некролог Синявского.

Наведал учителя, бывая во Францию, и Владимир Высоцкий. Попеть, поговорить.

Еще Дима Крымов... Художник он. Как по мне, очень хороший. У Синявских в гостиной его коллаж висит. Очень даже славный. Да и скульптура-портрет А. Синявского в виде Лешего — его работа!

Нет, всех перечислять не стану. Были там люди незначительные, но друзья настоящие и верные. Были и знаменитости. Но не все временем испытание выдержали. Так что...

А теперь и стола-то того нет... Пуст сад.

А хозяйка сада на пороге стоит и на нас глядит. Улыбается...

"...Я часто берусь за письмо не потому, что имею намерение написать тебе что-то серьезное. А просто прикасаюсь к листку, который ты будешь держать..."

После сада заходим в ее мастерскую.

Марья Васильевна — ювелир знатный! Хотя сейчас она мало работает. Но... помните, я обещал про собаку? Сеттер. Из медного листа. Сантиметров сорок в длину. Поза новорожденная. Дичь учуял. До чего хорош! Но разве словами передашь?

Ну, раз в мастерской был... И в саду... Решаюсь. Прошу разрешения посетить кабинет Андрея Донатовича. И мы поднимаемся на второй этаж.

И... Он точно тут есть!

"...Я хожу здесь до дому, как привидение. Но не то, которое здесь жило когда-то. Но то, какое еще придет..."

Компьютер... Первый "Макинтош", на котором он работал. Гляньте на его фотографию, приведенную тут. За этим самым "Макинтошем" и сидит.

"...Почему-то предполагается, что завязанное здесь — должно где-то там (в будущем или в вечности) распутаться и развязаться. Что последует нам компенсация за наши страдания, усилия, грехи, добродетели. Между тем, возможно, не нам должны уплатить, а мы — плата или возмездие кому-то за что-то. Глядя на мироздание из своего угла, мы принимаем себя за начало и мысленно подбираем себе подбавляющий конец. Но в мировом балансе мы не исходная точка, а кривая, прочерченная между какими-то неизве-

стными нам величинами, и потому недостойно требовать в применении к себе справедливости..."

Письменный стол писателя, заваленный книгами, брошюрами. Работает...

А это... Это то, в чем он ходил в лагере. Ватник-бушлат, шапка-пидорка... Прямо в этом и освободился.

Марья Васильевна тут, и она рассказывает, что добилась его освобождения на полтора года раньше срока, назначенного судом. И приехала за ним на зону. А начальство так испугалось — мало ли! — что выпустило Синявского без положенного шмона. Так что удалось ему вывезти рукописи и книги...

"...Во сне я пел. Утром на разводе — останьтесь."

— Полчаса на сборы.

Клетка. Меня разглядывают. Четыре чемодана. Тройник. Старший конвой:

— Куда тебя везут?

— Не знаю.

Везли, оказалось, — на волю.

Самое интересное, что я испытал в эти первые дни и недели моего освобождения, это чувство умершего, явившегося на жизненный пир..."

Четыре чемодана... Не много ли для заключенного? Но там были книги!

Книги... Как много они для него значили! В доме Лешего книг множество. И в гостиной, и особенно — в кабинете. Стеллажи, стеллажи... Чуковский, Цветаева, Бабель, Мережковский... Потрепаные томики. Их много раз брали в руки. В них вглядывались.

"...Книги похожи на окна, когда вечером зажигают огонь, и он теплится в воздухе, блестящая золотыми картинками стекол, занавесок, обоев и какого-то невидимого снаружи, запрятанного в сумрак уюта, составляющего тайну его обитателей..."

Я трогаю руками корешки. Живые книги... Настоящие. Их читали, в них находили или не находили ответы... Их любили, а иногда ненавидели. С ними жили!

"...Книги почему-то я всегда воспринимаю в единственном числе. Говорю: "Сочинения Гоголя" и мысленно вижу те самые сочинения, в том же переплете и составе томов, что стоят у меня на полке. Невозможно представить, что точно таких "сочинений Гоголя" тысячи, миллионы, и у каждого точно такое же. Даже допуская умом какие-то (редкие) дубликаты, обнаруживаешь — не то, пыльно другое, иная сохранность, ворс, запах, все по-другому. Поэтому не книгопечатание, но скорее — создание книги, не печать, но — музей, не размножение, но — появление на свет. А то, что их много, — мне нет никакого дела. У меня-то — одна такая. И у каждого есть только одна книга..."

Марья Васильевна делала книги. Текст набирала, брошюровала, переплетала... У меня есть две такие! И, конечно же, сама свой журнал делала. В подвале у нее до сих пор мини-типография имеется. Вот умница!

Подумал, что про процесс Синявского — Даниэля, знают. Те, кто литературой, историей интересуется, точно. И книги А.Д. Синявского читали. По крайности, то, что в двухтомник перестроечный вошло. Знают, что Синявские вскоре после освобождения Лешего из страны уехали. А дальше? Что делали? Что он писал? Отвлекусь от кабинета писателя и расскажу.

В официальной биографии писателя сказано, что вскоре после освобождения в 1973 году он поехал по приглашению Сорбонны на работу во Францию. С 1973 года — профессор русской литературы в Сорбонне...

Ага! Тот случай! Много вы знаете фактов, чтобы человек, только-только освободившийся из лагеря (откинувшийся), был легко и непринужденно выпущен за границу? Уверен, что ни одного! Как же так? Легенда ходит и никуда не девается вот уже годы и годы. А гласит она, что пошла Марья — а она может! — к большому начальству из КГБ. И сказала:

— Мол, так и так, неуважаемые товарищи.

Легит в заграничном сейфе у меня преогромный компромат и на партию, и на правительство. Выпустите — дальше лежать будет. Не выпустите — вы меня знаете!

Они ее знали. Выпустили...

Так ли это? Спрашивал... А она улыбается хитро. И не говорит. Вернее, говорит, но другое:

— Нужно было довести советскую власть

до того, чтобы она сама предложила нам уехать. Значит, разговаривать с ними можно было с позиции силы. Сейчас я пишу книгу, а у меня получается учебник выживания: сумеете сделать так, чтобы поставить противника в положение, когда он от вас зависит, а не вы от него. Чтобы спокойно сказать: "Уеду только в одном случае — если увезу с собой все. Я вам половой тряпки не оставлю". Эта фраза действительно была произнесена...

Но я точно знаю, что она и не такое может.

Например, после операции, передвигаясь на ходунках, сама полетела в Москву на юбилей М.С. Горбачева. Покрасила свой ходунки яркой краской — и на юбилей. Попробуй останови!

Или вот еще. Когда Синявского хоронили, надела ему на глаз пиратскую повязку. Зачем? Почему? Захотела, и всё.

— Я так решила! — говорит.

Литератор Петр Вайль, в феврале 97-го года успевший попрощаться с Андреем Донатовичем, вспоминал:

— В Париж я прилетел за день до похорон, ближе к вечеру позвонил Марье Васильевне. "Если приедете прямо сейчас, гроб еще открыт. Есть шанс увидеть Синявского, — сообщила она. — Да к тому же в виде пирата". Много лет зная Марью Васильевну, я сказал:

— Да ну вас!

Она вдруг возбудилась: "Почему это "да ну вас"? Когда умер Жерар Филип, его хоронили не в партикулярном платье, а в костюме Сида. Почему Синявский, который всю жизнь был флибустьером, не может лежать в гробу в виде пирата?" В его доме было все так же, Марья Васильевна повела на второй этаж, где стоял на подставках гроб. В гробу лежал Андрей Донатович с пиратской повязкой на глазу.

В принципе, для Андрея Донатовича отъезд был выходом. Он смог писать, печататься, издаваться, в общем, делать то, для чего был рожден. Смотрите: последняя публикация А. Синявского на родине — предисловие к тому стихотворений Б.Л. Пастернака в Большой серии библиотеки поэта, подписанному в печать 25 мая 1965 года. А 4 сентября того же года он был арестован.

А вот для Марьи Васильевны отъезд был трагедией. Ее вырвали из привычного круга, где у нее были положение и репутация. Ее искусство ювелира давало ей постоянные и большие заработки... И всего этого она лишилась, не моргнув глазом, как в свое время, не моргнув глазом, приняла то, что Синявский печатается за рубежом и, значит, непременно будет посажен.

Уехали... Покинули зону.

"...Всё-таки самое главное в русском человеке — что нечего терять. Отсюда и бескорыстие русской интеллигенции (окромя книжной полки). И прямота народа: спьяна, за Россию, грудь настезь! стреляйте, гады! Не гостеприимство — отчаяние. Готовность — последним куском, потому что — последний, и нет ничего больше, на пределе, на грани. И легкость в мыслях, в суждениях. Дым коромыслом. Ничего не накопили, ничему не научились. Кто смеет осудить? Когда осужденные..."

А что дальше?

А дальше — статья "Литературный процесс в России" (1973). А в статье — раздел, посвященный антисемитизму в России. Очень А.И. Солженицын возненавидел А.Д. Синявского за этот раздел!

"...Это не просто переселение народа на свою историческую родину, а прежде всего и главным образом — бегство из России. Значит, пришлось солону. Значит — допекли. Кое-кто сходит с ума, вырвавшись на волю. Кто-то бедствует, ищет, к чему бы русскому прислониться в этом раздольном, безвоздушном, чужеземном море. Но всё бежит, бегут. Россия — Мать, Россия — Сука, ты отетишь и за это очередное, вскормленное тобой и выброшенное потом на помойку, с позором — дитя!..."

Дальше — книга "Прогулки с Пушкиным", почти полностью написанная на зоне и передаваемая по частям в письмах жене.

Дальше журнал "другого мнения" "Синтаксис", который Синявский издавал вместе с женой. У меня есть номера этого журнала. Васька подарил. Очень хороший журнал! Очень!

Кстати, и издавать-то его решили "с подачи" А.И. Солженицына, который всячески перекрывал кислород публикациям А.Д. Синявского.

А еще были написаны романы: "Крошка Цорес" (1980), "Спокойной ночи" (1983), "Кошкин дом. Роман дальнего следования" (1998), вышедший уже после смерти А.Д. Синявского.

Уходим. И только сейчас замечаю, что окно в комнате приоткрыто. И верно. Воздух нынче свеж и чист. А на свежем воздухе приятно работать. Стало быть, Леший недалеко. Вернется, сядет за стол...

Спускаемся. Проходим в гостиную. Портрет хозяйки...

"...Не грусти, милая. Волей судьбы мы перенесены в тот светло-зеленый, романтический период юности, когда объясняются в чувствах пылками письмами, клянутся в дружбе навеки, делятся планами жизни и вздыхают над фотографиями. У нас не было этой увертюры, и вот она сыграна где-то в середине действия, немного невольпад, на старости лет — для восполнения пропуска. Она позволяет все начать сначала и с толком, с расстановкой пройти эти первые шаги, которые обычно пробегают, не оглядываясь, не думая о прошлом. А у нас есть на что оглянуться и на кого посмотреть, прибавив к прошлому третью надежду и робость бесстыдно, навзрыд произнесенного первого слова:

— Возлюбленная!..."